

Министерство культуры Российской Федерации
Государственный музей-заповедник «Ростовский кремль»

История и культура Ростовской земли

2019

Ростов
2020

Семейные и социальные связи вологжан в первой половине XVII в.¹

А. Н. Гуслистова

Опубликованные дозорная, писцовая и переписные книги Вологды XVII — начала XVIII в. дают огромный массив информации о посадских людях и остальных горожанах (бобылях, крестьянах, служилых людях, священниках) этого времени. Почти вся эта информация статична и фиксирует все группы городских дворов (не только посадских) и их мужское население (дворохозяин и его родственники, зависимые люди, соседи, дворники) с указанием возраста (начиная с переписной книги 1678 г.), и иногда рода деятельности. И если проблемы исторической демографии вполне можно исследовать на уровне комплексного анализа массовых источников, то семейные и социальные связи вологжан требуют более сложного и многокомпонентного подхода.

Семейные торговые компании посадских людей были одной из самых устойчивых форм организации коммерческой деятельности в Вологде. Самые известные фамилии вологодского купечества включали в себя несколько поколений предпринимателей, деятельность которых можно проследить на протяжении двух веков. Пример таких компаний в Вологде XVII—XVIII вв. мы видим в деятельности торговых семей, о которых уже были написаны статьи: Акишевых, Пудовых, Чадовых, Колесовых, Митрополовых, Носковых, Поляниных, Рыбниковых, Мериновых, Алачугиных, Досадиных, Кодовиных². Эти купеческие династии насчитывали от трех до пяти

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19–09–00147.

² Гуслистова А. Н. Генеалогия вологодской купеческой семьи Митрополовых в XVII–XIX в. // Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием «памяти д.и.н. профессора Ю. К. Некрасова (1935–2006)». 22–23 мая 2016 года. Вологда, 2016. С. 160–164; *Ее же*. Генеалогия вологодских купцов Колесовых в XVI–XIX вв. // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. Материалы XXIX международной конференции. Москва, 13–14 апреля 2017 г. С. 117–120; *Ее же*. Генеалогия рода Носковых XVII–XVIII в. // Российская государственность и Русская Православная Церковь: эволюция институтов светской и духовной власти: материалы конференции / под ред. Ю. Ю. Иерусалимского. Ярославль, 2018. С. 210–218; *Ее же*. Купеческая семья Пудовых в Вологде в XVII — первой половине XVIII в. // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 6: Шестые чтения памяти академика РАН Л. В. Милова. Материалы к международной научной конференции. Москва, 21–22 ноября 2019 г. Москва, 2019. С. 207–211; Грязнов А. Л. Торговая компания Акишевых в конце XV–XVIII в. // Хозяйственные книги вологодского архиерейского дома святой Софии XVII — начала XVIII в. / сост. Н. В. Башнин. М.; СПб., 2018. С. 768–814.

поколений, потомки которых успешно вели предпринимательскую деятельность, участвовали в городском самоуправлении, попадали в привилегированную гостиную сотню.

Наиболее ранней сохранившейся переписью населения Вологды является Дозорная книга 1616/1617 г., составленная после вологодского разорения 1612 г. В ней переписаны посадские люди 12 сороков, как живущие, так и умершие или пропавшие без вести. Более ранняя дозорная книга 1613 г., как и «старый чертеж», о котором есть упоминание в писцовой книге 1627 г., до нас не дошли. Не дошло до нас и описание города 1623 г. Василия Брянчанинова, но сохранилась и была опубликована сто с лишним лет назад Писцовая книга Вологды 1627 г., составленная в ходе валового письма 20-х гг. XVII в. В ней, помимо всего прочего, были также описаны жилые и пустые дворы посадских людей, с указанием размеров, причин запустения, в некоторых случаях — с упоминанием бывших собственников. Посад и Город описывались по улицам, по порядку расположения дворов, о чем свидетельствуют многочисленные формулировки «идучи по правой стороне», «идучи вдоль реки по левой стороне»³.

Близкие по времени создания кадастры 1617 и 1627 г. годов рисуют картину социально-экономического и демографического развития города в первой половине XVII в., позволяют выявить и проанализировать в числе всего прочего семейные связи вологжан. А в сопоставлении с переписной книгой 1646 г. и переписной книгой 1657 г. переписные книги первой половины XVII в. позволяют рассматривать эти процессы в широкой исторической ретроспективе⁴.

По традиции городских кадастров XVI — начала XVIII в. женское население (жены, дочери, сестры) не фиксировалось, за исключением вдов в своих или «соседок» и дворниц в чужих дворах. Помимо именованья вдовы, из которого мы узнаем не только статус и имя женщины, но и имя ее отца, а также полное имя мужа, переписные книги нередко используют терминологию степени родства и свойства, помогающую выявить персонажей внутри семьи и установить их родственные связи⁵. Это достаточно легко, когда фамилия потомка и предка совпадает: «вдова Ирина Андреева дочь Андреевская жена Дойникова владеет двором по купчей которую дал

---

³ Писцовые и переписные книги Вологды XVII — начала XVIII века. В 3-х т. / сост. и ред. И. В. Пугач. Вологда, 2018. Т. 3. Писцовые, переписные и дозорные книги Вологды XVII века.

⁴ Писцовые и переписные книги Вологды XVII — начала XVIII века. В 3-х т. / Т. 1. Писцовые и переписные книги Вологды XVII века; Т. 2. Переписная книга Вологды 1711–1712 гг. / подгот. к изд. И. В. Пугач, М. С. Черкасова. М., 2008.

⁵ Три момента в такой модели отмечали состояние женщины — она, во-первых, вдова, во-вторых, дочь такого-то и, в-третьих, жена такого-то. Иногда к этому присоединялся статус матери и бабушки. Подробнее см.: *Наумова Е. В.* Именование жительниц г. Вологды в переписных книгах XVII–XVIII вв. // Вологда: Краеведческий альманах. Вологда, 1997. Вып. 2. С. 584–587.

деду мужа ея Филиппу Андрееву с. Дойникову»⁶ А вот сложные записи типа «двор Дмитрия Козьмина с. Хохлова... владеет по купчей, которую дал деду его Ивану Фомину с. луковнику» или «двор Алексея Михайлова с. Шестеперова... по сказке жены его Ксении Яковлевы дочери... владеет после первой жены своей Варвары Козьмины дочери» помогают установить связи родства или свойства, которые путем простого сопоставления источников, как правило, не выявляются⁷.

И если в переписной книге 1711/12 гг. подобные примеры многочисленны, то для городских кадастров первой половины XVII в. указание на семейное родство помимо мужской линии (отец, брат, племянник) достаточно редки. В дозорной книге Вологды 1617 г. мы находим единственную усложненную запись о семье Мологихных, имевших двор в Васильевском сороке: «м. дворовое Васки Мологина; прежней оклад ему был 2 алтына полпяты денги; и Васку убили литовские люди во 121-м году; а после вологоцкого разорения оклад сыну его Ивашку был 6 денег; да снохе его вдове Настасице Дорофейковой жене оклад был 4 денги; и Настасица во 123-м году пошла замуж за Борисова да за Глебова крестьянина Ивановичей Морозовых за Ждана Осипова; а Ивашку ныне оклад 2 денги»⁸.

Оклад Василия Мологина до 1612 г. (2 алтына) говорит о высоком социальном положении между лучшим и средним. Это подтверждается наличием у него достаточно большой по тем временам суммы в 526 р., которую нашли на его дворе уже после его смерти⁹. Его сын Иван после гибели отца и разорения города платил оклад (6 денег), равный статусу среднего человека, а Настасьяца также платила посадское тягло в виде 4 денег (оклад средних людей!). Таким образом, мы видим фактический раздел имущества после гибели Василия между его сыном и невесткой, что сделало каждого из них весьма зажиточным членом посада. Также в кадастре было важно зафиксировать статус налогоплательщика, поэтому и появляется дополнительная запись о повторном замужестве Настасьяцы, которая таким образом вышла из посадского тягла.

Данные писцовой книги 1627 г. дают возможность проследить дальнейшую судьбу этих семей. Ждан Осипов с. Заики, второй муж Настасьяцы, оказывается богатым торговым крестьянином. Хотя вполне возможно здесь мы встречаем пример внутригородской и межсословной миграции, когда крестьянином мог стать вчерашний посадский человек, освободившись таким образом от уплаты посадского тягла. В то же самое время это

⁶ Писцовые и переписные книги Вологды... Т. 3. С. 117.

⁷ Там же. С. 23, 116,.

⁸ Там же. С. 246.

⁹ В приходо-расходных книгах Новгородской четверти за 1619 г. есть любопытная запись о вологодском кладе, который был найден во дворе некоего Василия Мологи. Клад в 526 р. в виде 418 р. новгородок, 85 р. московок и 22 новых рубля отправили в Москву, см.: Приходо-расходные книги Нижегородской чети 7123 г. // Приходо-расходные книги Московских приказов 1619–1621 гг. М., 1983. С. 140.

говорит об определенном социальном расслоении городского населения в результате кризиса начала 1600 г. Такие случаи были зафиксированы дозором 1617 г.— Иван Жумахин в 1616 г. «вышел жить за столников за Бориса да за Глеба Ивановичев Морозовых во крестьяня в село Фрязиново», точно так же поступили Осипка Чернышев, Осипка Иванов с. Крутка, Первушка Романов¹⁰.

На момент описания 1627 г. Ждан Осипов был владельцем двора в Городе (крепости) и шести лавок в городских торговых рядах — в москотильном, шапочном, серебряном. Часть торговых помещений были им унаследованы еще от отца (купчие 1596 и 1600 г.), одна куплена в 1615 г., две выданы воеводой в 1621 г. и одна лавка получена в результате брака с Настасьей¹¹. И в качестве второй стороны рядной, по которой была получена лавка, указывается зять Дорофея Мологина — Богдан Самойлов. Как известно, зятем мог быть как муж дочери, так и муж сестры. В данной ситуации логично было бы предположить, что это муж дочери Дорофея (и дочери, либо падчерицы Настасьи). Вполне возможно, что при женитьбе Богдана Самойлова на дочери Дорофея ему в качестве приданого отошла эта лавка, а потом, выдавая тещу замуж, он в свою очередь эту лавку отдал ее второму мужу¹².

Богдан Самойлов в 1610—20-е гг. был главой семейной компании из трех братьев Самойловых — его, Гаврилы и Филимона, и по двум городским кадастрам это была одна из немногих семей лучших людей. В их собственности было два двора — в Городе и на Мироносицком берегу (в Заречье), где они жили по соседству с богатейшими купцами города. Второй двор был очень большим — 8 на 97 сажень (3500 кв. м). Также в собственности было и 5 торговых помещений, одно — доставшееся еще от отца («против отца ево загородново места по старому чертежу») четыре других куплены в 1614, 1617, 1620 и 1625 гг.¹³ В конце 1620-х Богдану выделили на место под судовую пристань, в числе других предпринимателей города — Зиновия Фролова и Ерофея Лазарева. В 1630-е компанию возглавляет второй брат — в таможенной книге Вологды Гаврила Самойлов перепродает импортные ткани и пряжу, торгует железом и цитрусовыми, а его племянник — сын Богдана Исаак торгует салом-сырцом, кожами и щетиной¹⁴. Далее с фамилией происходят серьезные метаморфозы — если по переписной книге 1646 г.

---

¹⁰ Писцовые и переписные книги Вологды... Т. 3. С. 246

¹¹ Там же. С. 31, 33, 49, 50, 51.

¹² Год заключения рядной по писцовой книге 1627 г. — 122 (1613/1614) и год заключения брака по дозорной книге 1617 г. — 123 (1614/1615) не совпадают, но это можно объяснить особенностью писцового делопроизводства, когда вся информация о посадских людях передавалась писцам представителями конкретного сорока, которые могли забыть точную дату.

¹³ Писцовые и переписные книги Вологды... Т. 3. С. 33, 34, 52, 65.

¹⁴ Таможенная книга города Вологды 1634—1635 гг.: Ч. 1—3 / публ. Е. Б. Французова. М., 1984. С. 138, 214, 246, 278.

Микифор Гаврилов с. был еще Самойловым, то по переписной книге 1657 г. он записан без фамилии: «Микифор Гаврилов с братьями, с Борискою, да с Сергункою». А в 1678 г. уже с другой фамилией — «двор посадских людей Микифорка да Бориска Гавриловых детей Соседниковых» в переписных именных книгах 1687 снова без фамилии — как Борис Гаврилов. А в 1711 г. упоминается вдова Меланья Макарьева дочь, жена Михаила Никифорова¹⁵. Наименования рода в течение столетия было неустойчивым и преобладали, в основном, отчество и дедичество.

Еще один любопытный документ 1659 г. — изустная духовная память вологжанки Марфы Захарьевой дочери Сальниковой раскрывает дополнения к сюжету тесных связей торговых вологодских семей Мологиных, Заикиных и Самойловых¹⁶. Завещание опубликовано, но помимо него в фонде столбцов 1260 Государственного архива Вологодской области хранится множество ценных и уникальных немассовых источников делопроизводства земской, приказной и таможенной изб — челобитные, завещания, закладные кабалы, сговорные записи, которые на сегодняшний день практически не изучены, о чем писали еще М. С. Черкасова и С. Н. Кистерев¹⁷.

Вдова Марфа Захариева дочь, жена Владимира Сальникова, жительница Федоровского сорока, в завещании говорит о долгах ее сестры — Алены Захарьевы дочери и вдовы Меркурия Оконнишникова, и ее детей — Давыда и Ивана Меркурьевых, которые должны вернуться из Сибири. Упоминает своего племянника — Бориса Александрова сына Кузнеца, и сродича (родственника) — крестьянина с. Фрязинова Василия Дорофеева с. Мологина, который, вероятно, уже умер, так как предложение сформулировано как «те деньги после его Василия, лежат у жены его Татьяны Васильевы дочери». А одним из свидетелей завещания становятся крестьяне с. Фрязинова Василий Михайлов с. Заикин и Алексей Ярофеев с. Шубин.

Таким образом, получается, когда вдова посадского человека Настасья вторая выходила замуж уже за крестьянина, ее сын от первого брака — Василий Дорофеев с. Мологин сменил статус вместе с матерью и так и остался крестьянином с. Фрязинова до конца жизни, как и вероятный сын Ждана Заики — Василий Михайлов с. Заикин¹⁸.

¹⁵ Писцовые и переписные книги Вологды... Т. 1. С. 66, 142, 269; Т. 2, С. 4; Т. 3. С. 217.

¹⁶ Старая Вологда. XII — начало XX в. Сборник документов и материалов / под ред. Л. Н. Мясниковой. Вологда, 2004. С. 114–115.

¹⁷ «Сбор сведений источников о тех или иных лицах, в том числе и представителях торгово-промышленного класса, чья деятельность проходила в XVI–XVII вв., объективно является процессом длительным ввиду наличия огромного документального фонда, содержание которого остается практически неизвестным современным исследователям», см.: Кистерев С. Н. Семья гостей Булгаковых // Вестник «Альянс-Архео». М.; СПб., 2016. Вып. 15. С. 41.

¹⁸ Имя Ждан могло быть домашним прозвищем, а Михаил — крестильным именем. Хотя не исключено, что Михаил мог быть братом Ждана, проживающим

Владимир и Петр Яковлевы Сальниковы, вероятно, были детьми сальника Якунки, упоминавшегося в дозорной книге 1617 г. Одна лавка, принадлежавшая Владимиру в 1627 г., также была куплена еще отцом в 1601 г. Можно предположить, что дети не стали перенимать ремесло отца, но в торговом отношении преуспели — Владимир Сальников уже в 1630-х гг. вполне успешно торгует пенькой. Объемы продаж по вологодской таможенной книге 1634 г. составляли 140 пудов и 7 возов пеньки на общую сумму 332 р.¹⁹ Поэтому денежные суммы и ценности, которые фигурируют в завещании его вдовы, (больше 1 тыс. руб. и золотые украшения) вполне закономерны. Однако в таможенных книгах Сухонско-Двинского речного пути 1620–30 гг. Сальниковы не упоминались, что говорит о возможности посадских людей зарабатывать крупные суммы только в масштабах городской мелкооптовой торговли.

Время смерти Владимира Сальникова неизвестно, но уже к моменту переписи 1646 г. Марфа была вдовой, скорее всего бездетной, раз в завещании не упоминаются ее дети²⁰. Также в завещании не упомянут брат Владимира — Петр и его дети, а записаны исключительно кровные родственники со стороны родной сестры Марфы²¹. Судя по всему, ее отец Захар был не последним человеком в Вологде, раз сумел выдать двух дочерей замуж за весьма зажиточных людей того времени — Владимира Сальникова и Меркурия Оконнишникова. Вологодская семья Оконнишниковых (точнее, несколько семей, вполне возможно, не связанных между собой узами родства) — заслуживает темы отдельного исследования. Меркурий был сыном Иосифа Оконничникова (жителя пригородной Дюдиковой пустыни), одного из крупных покупателей соли у старцев Соловецкого монастыря, единовременно купив в 1598 г. 3930 пудов на 237 р.²² На тот момент он мог быть торговым крестьянином, а записаться в посад и поменять место жительства позже — в начале XVII в. На 1617 г. он упомянут как проживавший в Мироносицком сороке и умерший в 1614/15 г.

непосредственно на территории села, а не на посаде, и таким образом, не попавшего в городские кадастры.

¹⁹ Таможенная книга Вологды... С. 152.

²⁰ Писцовые и переписные книги Вологды... Т. 1. С. 20.

²¹ С Петром Сальниковым связано некоторое несоответствие в переписных книгах. По переписной книге 1646 г. в Новинках, рядом со двором Арсениево-Комельского м-ря проживал некий Петрунка Пантелеив Санников с сыном Ивашкой, а по переписной книге 1678 г. на том же месте находится двор вдовы Петра Салникова — Агашки Перфильевой дочери с детьми Иваном и Петром. В этой записи также есть ошибка — «у ней два сына в посадцких людех — Ивашко да Петрунка. У Бориска два сына — Ивашко десяти лет, Федка дву лет». Понятно, что Петр Пантелеев Санников 1646 г.— это Петр Яковлев Сальников 1678 г. см. Писцовые и переписные книги Вологды... Т. 1. С. 21, 95.

²² Приходо-расходные книги Соловецкого монастыря... С. 543; Гуслистова А. Н. Истоки вологодских торговых компаний XVII в. // Вызов времени: становление централизованных государств на Востоке и Западе Европы в конце XV — XVII в. Калуга, 2019. С. 357–363.

Успешная торговая деятельность, благодаря которой братья Меркурий и Андрей были зачислены в гостиную сотню в 1647 г., велась как минимум на протяжении почти трех поколений — с последней четверти XVI в. до 1670-х гг., пока Давыд Меркурьев с. Оконнишников не переезжает в Москву²³.

Интересен также перечень трех свидетелей, которые присутствовали при составлении завещания — помимо крестьян Василия Михайлова с. Заикина и Алексея Ерофеева с. Шубина, которых вполне логично нет в городских кадастрах второй половины XVII в., упоминается посадский человек Петр Никифоров с. Громов. По переписной книге 1678 г., его двор находится около Пятницкого моста рядом с дворами его трех братьев Матвея, Саввы и Григория. Они все записаны посадскими людьми, тогда как в 1646 г. эта семья была записана как «двор Офонасьевых // крестьян Иванова сына Зубова Ларки да Микифорка да Ивашка Оксентьевых детей Громовых. У Ивашка детей Мишка да Филка. А по скаске земскова старо[сты] и выборных людей, что де та земля под ними тяглая, а они де на Вологде и отъезж[ими] торгами торгуют многими, а с посадскими людьми тягла не тянут и служб не служат»²⁴. Таким образом, один родственник и все свидетели завещания так или иначе имели отношение к крестьянскому сословию (по крайней мере, *de iure*), что дает основание предполагать, что Захар — отец сестер Марфы и Алены также имел крестьянский статус, занимался торговлей и выдал своих дочерей замуж за посадских людей, вероятных коммерческих партнеров. И в данном случае в семейных и социальных связях Мологиных, Заикиных, Самойловых, Сальниковых, Оконнишниковых и Громовых прослеживается, с одной стороны, двухсторонняя межсословная миграция, с другой — одна страта людей, занятых предпринимательством в разных масштабах.

Таким образом, восстановление семейных и социальных связей вологжан и посадских людей в целом — проблема намного более масштабная, чем просто реконструкция родственных связей, и даже генеалогии посадских фамилий. Помимо тщательного анализа данных писцовых, переписных и таможенных книг перспективы исследования данной темы следует связать с расширением источниковой базы, особенно документов делопроизводства земской, приказной и таможенной изб XVII в.

²³ Писцовые и переписные книги Вологды... Т. 1. С. 59, 60, 147, 148; Т 3. С. 35, 166, 167, 226.

²⁴ Там же. С. 45, 123, 124.